

ИВАН ТРОЦКИЙ

ПЛУТОКРАТОВА ИДИЛЛИЯ

Иван Троцкий

Плутократова идиллия

«Четыре четверти»

2017

Троцкий И.

Плутократова идиллия / И. Троцкий — «Четыре четверти», 2017

Авксентий – писатель-неудачник, автор малоуспешных романов о секретном агенте. Ему начинают сниться странные сны о глобальных теориях заговора. На основе этих снов он решает написать роман. В издательство, которое согласилось издать книгу Авксентия, приходят угрозы – неизвестные не хотят, чтобы роман был издан. Авксентий и главный редактор издательства Аркадий объединяются для совместного расследования. Вместе с читателем они втягиваются в хитрую историю.

Содержание

I	6
II	9
III	10
IV	12
V	13
VI	15
VII	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Иван Троцкий

Плутократова идиллия

© Троцкий И., 2017

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2017

I

*Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего
в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю.
(Св. Евангелие от Иоанна 20:25)*

Совсем недавно пал шум по поводу избрания Трампа главой Соединенных штатов Америки.

Велась «великая борьба» СМИ против этого «чудовища» на протяжении всей предвыборной гонки. Однако, внимательный зритель, следящий за происходящим, догадывается, что это все уловки некоего зла: хакерская атака на демократов, взлом электронной почты Клинтон, солидарность американских СМИ против негодяя Трампа. Пожалуй, раскрою вам загадку. Поскольку массы давно уже перестали верить телевизору, потому что он без конца указывает как нам жить, зачем и за кого голосовать; а этот самый телевизор – сплошь противник новоизбранного президента. Следовательно, если из каждого угла доносятся крики о том, что Трамп плохой, из этого следует, что он – хороший. Да, вы правы, Клинтон обошла его на два миллиона избирателей, но проиграла по выборщикам. Вот в этом и дело. На этом и делалась ставка, мои дорогие. Там не дураки сидят.

Безумно, но неплохо придумано, людям такое нравится – потирая руки, подумал про себя Авксентий Владимирович.

Что еще выдать, эдакое? Стивен Кинг пишет по две тысячи слов в день, что составляет порядком шесть страниц текста. А я пишу по две – три страницы максимум. Хотя в былые времена сам «Король ужасов» подавился бы от зависти, узнай о моей продуктивности. Кой толк думать о прошедшем, если сейчас я и шиша не стою? Думай, Аксенья, не дай лени и неусидчивости тебя одолеть.

Очень часто, можно услышать о фальсификации истории. Они правы. Только не в том смысле, в котором они думают. Нет, не Фоменко с его «Новой хронологией» или Юрий Рыбников. К примеру, никогда не задумывались, почему у всей верхушки Третьего Рейха фамилии начинаются на букву «Г»: Гитлер, Геринг, Гиммлер, Геббельс?

Что там у нас дальше:

На лице Тихонова не отобразилась и тень удивления – так хладнокровно было его лицо.

– Для меня загадка, почему я до сих пор тебя не прикончил. Для меня обычное дело – сначала стрелять, а потом говорить. Я не герой шпионских романов.

– Но ты ведь желаешь знать, как это самое правительство осуществляет свой лукавый замысел, и какими средствами?

– Это не мое дело, я только выполняю приказ, приказ – ликвидировать главу «Анаконда», прощай.

– Нет, нет, выслушай меня, я могу тебе открыть такие секреты, что только что услышанная история тебе покажется детской сказочкой, мой друг.

Это никуда не пойдет, хуже некуда! – ударив себя по лицу, сказал себе автор.

Авксентий пошел на кухню и заварил себе чай на китайских травах, попутно обдумывая, что добавить в сюжет нетривиального. Открыв хлебницу, обнаружил отсутствие нужного мучного изделия.

– Черт, нужно в магазин! Надо закончить, наконец, этот роман. Сколько я уже его пишу? Немногим меньше года? Прилично для такой чепухи. Осточертело работать на этот бестолковый журнал. Да и спроса на него нет, все читают только интернет-версию на веб-сайте.

Авксентий, как и все одинокие люди, имел привычку разговаривать вслух с самим собой. Она стала ему необходима, для формирования своих мыслей и идей. Таким образом он компенсировал нехватку общения.

Так просто в магазин не пойдешь, нужно собраться. Парфюма не оказалось, ему неоткуда было взяться. Он им никогда не пользовался. Вместо этого он нанес на самые уязвимые для пота места поверхности одежды содержимое из освежителя воздуха с яблочным вкусом, который всегда стоял возле унитаза.

На улицу вышел закутанный в потрепанный разноцветный шарф, в сером пальто, выцветшем вишневом свитере, в стертых коричневых ботинках и восьмиугольной шапке, доставшейся ему от отца. В наличии щетина, переходящая в бороду. Проще говоря, а la бездомный. При этом никогда не забывал взять с собой авоську.

Закрывая входную дверь квартиры, как и положено неуклюжему человеку, Авксентий выронил ключи, которые при ударе об пол разлетелись в разные стороны, одни на ступеньки, другие под соседскую дверь.

И тут, как раз, вышел сосед Дмитрич, – прошу заметить, не самый любимый сосед нашего героя.

– Что ты у меня под дверями рыскаешь? У меня и красть нечего.

– Да, брось, Дмитрич, я вот просто ключ выронил, нагнулся поднять.

– Скоро я буду так нагибаться, подбирая подавание, которое ты мне соблаговолишь пожертвовать, когда станешь знаменитым и богатым писателем.

– Да, брось, такого не будет.

– Будет, будет, попомни мои слова.

– Ну, спасибо, я в магазин, ты тоже?

– Видишь мусорное ведро? Конечно в магазин, – иронично ответил сосед.

– А, ну, понятно, удачи!

Когда Авксентий отошел на недостижимое для своего слуха расстояние, Дмитрич произнес: «Вот козел».

– Ради Бога, подай сколько не жалко, – схватил его за рукав бомж с грязной бородой и одеждой.

– Вот, держи, двадцать копеек.

– Чего так мало? Дай больше, – просил бомж.

– У меня есть только десять рублей и двадцать копеек. Могу дать десять, но ты мне тогда сдачу из девяти рублей.

– У меня столько нет.

– А сколько есть?

– Ноль, ничего нет. Голяк.

– Тогда извини, брат.

– Куда ты пошел! Не жмотись, дай десятку!

– Как я могу отдать такую сумму? Это все деньги, которые у меня остались. Вот держи двадцать копеек.

– У тебя еще будут. Дай. Я могу еще не дожить до завтра.

– А я тут причем? Мне за тебя отвечать?

– Жизнь и так не выносима. Мы благодаря взаимопомощи можем сделать нашу жизнь более сносной, более выносимой, – размышлял бомж.

– Верно, пойдем вместе в магазин, разменяем, – ответил Авксентий после минутного раздумья.

Зашли в магазин. Бомж плелся, не отставая ни на шаг.

– Купи мне водяры.

– Слушай, мы договаривались, что я тебе дам один рубль, т. е. десять тысяч старыми.

Что тебя не устраивает?

– А как же взаимопомощь?

– Ладно, но только одну бутылку.

Стали в очередь. Впереди молодые девушки неопределенного возраста с чипсами, пельменями и двумя полуторалитровыми бутылками пива «Аливария».

– Паспорт.

– Минуточку, – рыскает в сумочке.

– Без документа, удостоверяющего возраст, не продам.

– Сейчас... у тебя есть, – подруга отрицательно махает головой.

– Ну что ж... закон... не будем нарушать, – говорит продавщица.

– Девушка, – обращается к толстой продавщице средних лет Авксентий, – продайте им пиво, – это даже не алкоголь, зачем только очередь задерживаете? Оно вам надо?

– Если не достигли совершеннолетия – не продам. Вот покажут соответствующие документы...

– Вы посмотрите на них, на этих теток, им минимум – двадцать пять лет, зачем им документы?

– Слышите, какие двадцать пять, – возмущались девушки, – вы бы еще тридцать дали!

– Извините, что вы, не хотел обидеть. Только помочь.

– Человеческая солидарность. Взаимопомощь, – вмешался бомж.

– Да, только так мы можем выжить в этом невыносимом мире. Только так мы сделаем его более сносным, – выпалил Авксентий.

– Хорошо сказано, – добавил бомж.

– Что это за магазин вообще? Бомжей пускают! Да и еще с пустыми руками стоит!

– Не дискриминируйте меня!

– Что это за дискриминация такая? Притеснение алкашей?

– Ты считаешь себя лучше меня, а может моя семья погибла, имущество сгорело, или я стал жертвой мошенничества?

Девушкам все же продали объект раздора.

Авксентий расплатился купюрой с изображением креста Ефросинии Полоцкой и отдал сдачу и бутылку бомжу.

– Я не знал, что у тебя такая трагическая жизнь.

– Какая?

– Семья погибла там, и так далее...

– Да не погибал у меня никто!

– А что ты только что за сцену в магазине разыграл?

– Нет, я как раз-таки спился и все потерял, но ведь могло сложится по-иному, как я сказал.

Авксентий поплелся домой, а бомж остался около магазина и залпом осушил полулитровую бутылку водки.

II

Они развязали вторую мировую. Вели подготовку еще за двадцать лет до оного. Мудрый Сталин все прознал и убил одного из их агентов – Троцкого. Но подлых врагов это не остановило. Когда Иосиф Виссарионович поведал сие сокровенное знание Адольфу Алоисовичу, было принято мудрое решение собраться в столице СССР с целью подписания мирного пакта, для упрочнения безопасности своих держав. Пораскинув мозгами, решили лично не встречаться, чтобы не наводить лишнего шума и не привлекать ненужных глаз и ушей. Сей факт доказал острый ум и превосходную смекалку наших вождей. Всем адекватным людям известно, что в этом самом пакте был разоблачен великий план об этом великом и паскудном заговоре, о захвате мира, уничтожения народов. Но враг не дремлет, обольстив их как школьников, злодеи задумали натравить два мощных государства друг на друга.

Блин, приснится же. Это уже несусветный бред, читатель на такое не клюнет. Наживка не та. Нужно побольше героизма, и поменьше этого конспирологического маразма.

Не умывшись, как и был в нижнем белье, так и сел за компьютер продолжать сочинять свою эпичную историю разведчика советских спецслужб.

– Эй, детка, для меня любви не существует, только секс, для меня это как выпить стакан воды. Наутро, когда твои прелестные глазки откроются, от меня останется только теплая постель.

– Давай, возьми меня прямо здесь!

Он страстно схватил ее упругую грудь, она взвизгнула от боли и одновременно от блаженства.

– Что-то не вяжется эротическая сцена. Та-ак... что делать. Старательно несколько раз перечитывает.

Разрядив две обоймы с двух МП5 в своих врагов, поняв, что это конец, врагов больше чем пуль, Тихонов в последний раз подмигнул своей возлюбленной, сиганул вниз с небоскреба, летя с небывалой скоростью.

– Прости детка, нам с тобой не по пути. Прощай, – были последние его слова адресованные роковой блондинке.

III

Аркадий Федорович был руководителем собственного книгоиздательства города Минска. Он являлся его соучредителем вместе с отцом, кой намерен, увы, почил. Одновременно он исполнял роль главного редактора.

Аркадий отходил от сна каждый божий день в полседьмого утра. Выпивал сок. Был противником утреннего кофе. Пробежка двадцать минут, душ, автомобиль, работа. Рабочий день начинался ровно в восемь ноль-ноль утра. Добросовестный начальник являлся в полвосьмого. С работы никогда не уходил раньше положенного. Настоящий день не был исключением. Как и полагается, он вошел в офис в положенное время, собственноручно приготовил себе чашечку чая, присел читать вчерашний выпуск «Звезды».

- Доброе утро, – с довольной улыбкой приветствовала секретарша.
- И вам того же.
- Чаю?
- Нет, спасибо. Я уже.
- Что-нибудь еще?
- Нет, спасибо. Подождем начала рабочего дня. Ты сегодня что-то рано Света.
- Да пустяки, всего без десяти девять.

Это ритуал продолжался изо дня в день, как по шаблону, как по писанной схеме. Каждый раз все такая же счастливая Света, как будто ни разу в жизни не ведала несчастья, хотя воспитывает в одиночку ребенка-инвалида, про которого почти никому не распространяется, не смотря на свою открытость. Всякий раз она справлялась у него о чае, зная, что он уже выпил свой, что он откажется от добавки. Все та же вчерашняя «Звезда», с отличием даты на первой полосе. Работа, неотличимая одна от другой, – чтение разношерстного трэша, кой тоннами присылают ежедневно с разных уголков страны начинающие графоманы. С разных уголков страны? Нет, не верьте, «шедевры» приходят из соседних стран тоже. У них также проживают отчаявшиеся писак.

Жанр у всех одинаков – после прочтения пяти страниц текста испытываешь ощущение, аналогичное с применением газового баллончика, прыснутого в глаза. Таково правило, такова закономерность. Однако, как известно, у каждого правила есть исключение. Такое исключение Аркадий прочитал два дня тому и, что естественно, изъявил желание издать этот, может, не шедевр, но вполне занятный и возможно значимый в будущем роман. Прочитал его взахлеб, настолько затянуло. Читал, несмотря на то, что его ждала еще целая стопка шлака, которую он вынужден прочитать за сегодня. Это не проблема, всегда можно прислать письмо с объяснениями, мол «ваша книга показалась нам интересной, но сожалеем – не соответствует формату издательства».

- Аркадий Аркадьевич, вам письмо.
- Положи в общую корзину для писем.
- Оно на ваше имя.
- На мое? Хм... Когда последний раз приходило письмо на мое имя?
- Я уже и не припомню, Аркадий Аркадьевич.
- И я тоже, Света. Подай сюда, а лучше на стол клади.

И еще, насчет этой книги, про которую я говорил тебе вчера, готовим к печати, самое толковое, что я читал за последнее время. Скажу больше – лучшее, что я читал со времен основания нашего печатного дела!

Как Гаруспик он вскрыл письмо, точно брюхо некоего животного, гадал над буквами, словно над внутренностями.

В письме было написано:

«Многоуважаемый Федорович Аркадий Аркадьевич. Вынужден писать Вам инкогнито, поскольку боюсь за свою жизнь не меньше, чем за Вашу. Пишу по очень важному для Вас вопросу, касаемо Вашей непосредственной работы, т. е. руководства издательством современной литературы. Давеча в издательство пришла книга некоего Ивана Бездомного (не трудно догадаться, что это его не настоящие имя и фамилия, а псевдоним) под наименованием «Агент Тихонов: раскрытие подлинных мифов». Сей роман опасен для имиджа Вашей глубокоуважаемой мной конторы. Ведь это безвкусное «произведение» (коим язык не поворачивается назвать) подорвет доверие к Вашему таланту избирать жемчуга из невероятного количества грязи и праха, коих не счесть кругом. Прошу по-хорошему. Я человек способный к анализу и смею предположить, что вы сочтете меня за безумца и не последуете моему дружескому совету, отвергнув его. Если мой прогноз верен, я буду вынужден прибегнуть к крайним мерам: сообщить, куда следует, о вашем утаивании налогов в начале карьеры, к которой посчастливилось соучаствовать Вашему ныне покойному отцу, успокой Господь его душу (пишу эти строки с величайшим уважением). В свою очередь, не скрыт от меня факт первоначального финансирования издательства «Бусел». Вы порядочный и здравый человек. Вы все понимаете. Меня не покидает надежда, что Вы сделаете правильный выбор.

Всего хорошего, с уважением, Ваш аноним.»

Аркадий от прочтения сделался бледнее самой отбеленной простыни. От кого это компрометирующее письмо? Ума не приложу!

От прочтения глава успешного издательства с говорящим названием «Бусел» потерял работоспособность, а в дальнейшем и сон.

IV

Не кажется ли вам странным тот факт, что вокруг Кеннеди сформировался подозрительный круг общения одних только знаменитостей? Они ведь жили в одно время! – скажите вы. Хороший, но простой и не дающий никаких ответов аргумент. А ответ прост: большинство мегазнаменитостей, которых все знают и любят – не существовало в природе. Ведь никто не верит, что существуют люди из телевизора. Они нужны лишь для создания нужной атмосферы, необходимых ситуаций, для донесения конкретных идей. Хрущев нагнетает панику, Кеннеди героически спасает мир своей искусной дипломатией. Мэрилин Монро способствует созданию из президента образа желанного мужчины, мачо, секс-символа. Если смотреть внимательно, становится ясно: во всех фильмах, где якобы она снималась, играют три-четыре разные актрисы. С их руки создан миф о Мэрилин Монро. Патент на образ принадлежит кому-то неизвестному. Но это дело времени.

Мартин Лютер Кинг. С его помощи 35-й президент наделяется чертой великодушия и обретает всеобщую любовь. Все это для почитания ему как богу. Зачем такое раболепное почитание? Для неукоризненного послушания масс.

Самого Джона выпиливают из-за того, что он захотел, как выражаются в дешевых криминальных фильмах «выйти из игры». Мафия и ЦРУ здесь не причем. На деле, он захотел замутить свое правительство, дабы больше разделять и властвовать.

Нет, так не пойдет, – твердил себе Авксентий Владимирович. Банально! Многажды написано, снято-переснято! Придумай что-нибудь стоящее, толковое, способное заинтересовать читателя с любым уровнем образования.

Да, я пишу дешевый роман, но не с Донцовой же конкурировать, в конце концов. Имей уважение к себе!

Неожиданно раздался звонок в дверь. Увлеченный писатель никого не ждал. Он и забыл, каково звучание его звонка. Нехотя приоткрыв дверь, перед ним предстал директор издательства «Бусел» Аркадий Аркадьевич Федорович.

V

Родился будущий относительно известный писатель в деревне Васюки гродненской области, в тогда еще советской Белоруссии. Назвали Авксентием, захотели эдакое необычно-греческое, – православные ведь, чего уж! Несмотря на советское время, не признававшее религиозные верования, родители, в свою очередь, как и положено, отнесли дитя крестить в ближайший храм – Флора и Лавра, где настоятельствовал протоиерей отец Федор. Отметил отец Федор таинство раньше положенного, наворачнул церковного винца перед сим священнодействием. Улыбаясь во все лицо, неся перегаром, слегка пошатываясь, он принял будущего деятеля литературного ремесла в свои святые руки. Ребеночек покачивался в такт телодвижениям служителя «опиума для народа». В результате такой хореографии была вылита купель с водицею, опрокинуты заупокойные свечи (на горесть родичам), и сам виновник сего события – детеныш, шлепнулся на пол и проскользил по разлитой святой воде за алтарь. Родители, спохватившись, понеслись за отпрыском. Отец Федор, будучи ревностным христианином, принялся бить охваченных страхом пращуров попавшимся под руку подсвечником. Ибо недозволенно мирянам входить в алтарь! Ребенка поймали, святого отца обезоружили, прихожан успокоили, дело замяли. С такой авантюры началось хождение по грешной земле Авксентия Владимировича Громыко. Далее издевательство в детском саду и школе. Что не могло не поспособствовать формированию душевной архитектуры мальчика. А именно: замкнутости и мечтательному эскапизму. С младых ногтей Авксентий выковал в себе привычку убегать, чуть что, в свои миры. С юности начал сочинять стихи и рассказы. Никто и не подозревал о дарованиях Авксентия. В школе особо не отличался. Был середнячком. Был многожды бит, за что прослыл слабаком, слюнтяем, сопляком и бабой. Его так и прозвали «три С и Бэ» для быстрого произношения. Все понимали значение аббревиатуры, но для будущего писателя сие звучало менее обидно, чем если б называли с расшифровкой.

Желание поступать в институт напрочь отсутствовало. Однако, по напористому настоянию отца, подал документы в технический ВУЗ на инженера, следуя стопам Бати. Отец обещал помочь, если будут проблемы с учебой, ведь он выпускник 1977 с красным дипломом. Он был на «короткой ноге» с преподавательским составом. В итоге никаких друзей у папы не оказалось, что было поводом для сомнений и в других некогда сказанных отцом словах...

В это же время у юноши начали пробиваться ростки его гения. Почитатели его таланта завелись даже в одном из студенческих журналов, что стало результатом публикации одной из его статей на тему «введение дресс-кода для студентов: за и против».

Проучившись ровно два курса, юноша успешно бросил учебу. Родителям удачно соврал о найденной работе в одном из малоизвестных журналов. Для благополучного утаивания правды устроился работать грузчиком в вечернюю и ночную смену, продолжая писать статьи и рассказы, показывая их своим домочадцам как свои труды, коим якобы суждено быть напечатанным в следующем месяце. А через месяц сообщал какой популярностью пользуется его газета. По этой причине даже работникам ее не выдают. Все скупают. Такова причина почему «шнурки» не узрели опусы сынка в печати. Как и масса ранимых людей, он был бесхребетным. Чем воспользовались его коллеги, затащив его между делом на ночную «подработку» – тащить из хранилища мешки с бетоном на черный рынок, которым управляли лица «южных народов». Для родителей выдумал отмазку – корпоративы. Спустя семь месяцев такое существование ему опостылело. Несмотря на все уговоры, уволился, обещая держать язык за зубами. Через неделю прознал, что его коллег словили за этим занятием, ждут суда.

Через месяц и вправду его статьи, рассказы и иногда стихи начали печатать в различных журналах и газетенках, правда довольно паршивых, но хоть что-то. А потом и вовсе приняли на полную ставку. В свободное от работы время сочинял романы. За неимением друзей больше

ничего не оставалось. Героем его эпоса стал разведчик Тихонов. Он воплощал все фантазии и мечты, которым не суждено стать явью. Громыко воображал себя на месте этого отчаянного и бесстрашного разведчика. Он воздавал всем по заслугам, его обожал прекрасный пол. Тихонов был полным alter ego своего автора. Тихонов вряд ли тот герой романов, за которые дают Пулитцеровские или Нобелевские премии.

Еще в детстве врачи обнаружили плохое функционирование левого полушария головного мозга. Сулили возможную в будущем неспособность к чтению. Да и что голова в любой момент отечет и взорвется тоже говаривали. Только Авксентий это опроверг.

У Авксентия Владимировича, была одна навязчивая идея, фетиш, если хотите, которого он безумно стыдился. Дело в том, что писатель страстно любил обувной стиль «оксфорды». Он заглядывался на них на витрине, копил и тратил свои драгоценные кровные (его заработок от журнальных статей) на свою отраду. Скупал всякие: лакированные и нелакированные, черные, белые, коричневые и любые другие. Хранил он их в особом шкафу, который почти был заполнен его «драгоценностями». Своей тяге он не мог дать никакого объяснения, впрочем, и не пытался. Почти каждый божий день он примерял их и как светская львица с восхищением наблюдал себя в зеркале. Тем не менее, он выходил в них из своего логова лишь однажды. Побывав на корпоративе своего издательства, ощутил стыд, ушел раньше всех. А все из-за его проклятия – оксфордов.

Всю жизнь он искал истину, концепцию, способную объяснить происходящее в мире, но не нашел.

VI

Аркадий Аркадьевич Федорович как всегда явился домой в семь вечера. Любил вкусно, не спеша поужинать. Он взял за обязанность запивать кушанье лимонным, а иногда яблочным соком. Никогда не баловал себя сладостями и чрезмерно жирной пищей. Регулярные пробежки, бассейн в субботу. От установленного графика не отклонялся ни на шаг. Блюда всякий раз ему готовила красавица-жена. И так каждый божий день, без изменений. Но только не в этот раз. Супруги не было. Уехала к маме. Следующая их встреча только в суде, на рассмотрении дела по расторжению брака. Приходится вспоминать, как это – готовить самому. Взбивать яйца, жарить бекон, нарезать лук. Я и забыл, сколько отнимает этот невыносимый, но жизненно необходимый процесс! После трех лет супружества, развод – классика. Никак вместе с женой не могли определиться – можно ли смешивать кипяченую воду с некипяченой. Каждый верил противоположной информации из интернет-статей. В итоге купили каждому по чайнику.

Тем не менее, едва его беспокоил бракоразводный процесс.

Все думы его занимало сегодняшнее письмо. Кто мог нас с папой сдать? Это дело такой давности... Кто-то из своих? А кто знал, кроме мамы? Наверняка забыл про какого-то гада, затаившего на меня злобу! Может враги отца? Не может быть, папа – был исключительным. А им-то что! Сволочам только повод подай!

Необходимо позвонить маме.

Аркадий плотно поужинал. Первый «блин» вышел комом, но довольно сносным и съедобным.

Поднял с лакированной тумбы телефон, перенес сей предмет на свое любимое мягкое кресло белоснежного оттенка. Не спеша, слегка нервничая, набрал ее номер.

– Да? – прозвучал долгожданный ответ.

– Это я, мама, привет!

– Привет, Аркаша!

– Как поживаешь?

– Как всегда, ничего хорошего. Только вот один к тебе вопрос, а ты именно какой Аркаша, который сын или муж?

– Вот за что и люблю тебя, мама, никогда не изменяешь своему чувству юмора. Так держать, старушка, – смех послышался с двух концов телефонных трубок.

– Все хорошо, сыночек. А вы как поживаете? Как Катя?

– Ничего. Разводимся.

– Ах! И что, эта змея хочет из тебя все соки выжать?

– Да, нет. Не все, только половину моего царства...

– Какого такого царства?

– Ну, имущества.

– Вот ведьма.

– Да ладно, я не держу на нее зла, ну, как не держу. Мам, я вот что хотел спросить...

– А Оленьку, что, ей отдадут?

– Конечно, суд всегда на стороне материнских слез.

– Вот же пройдохи продажные. Чем матери лучше мужиков? Да ничем, хлебом не корми, а дай покомандовать мужиками. И сыновьями, и мужьями, да и отцами тоже!

– Мам, но ты ведь сама женщина, что ты говорить такое!

– Вот на этих основаниях имею полное право так утверждать. Как так не мне знать всю правду о дочерях Евиных. С тех времен все мужчин и подставляем, а они бедные, гады эдакие, все нас слушают!

– Полно тебе. У меня вот какой к тебе вопрос, наисерьезнейший. У папы были враги? После минутной паузы:

– Да какие у него враги, у этого святого человека! Как можно даже мысль подобную допустить в свою пустую голову!

– Точно?

– Как можно сомневаться в том, что...

– Ладно, ладно, верю.

– Как работа?

– Все хорошо, мам. Не без трудностей, но хорошо.

– Молодец, сынок. Мы с папой всегда гордились тобой. И до сих пор гордимся. Я и папа. Он с небес на нас поглядывает, как мы тут держимся, и гордится. Поминает добрыми словами.

– Хорошо, мама, мне пора, еще дела.

– В двенадцатом часу-то?

– Да-да. Спокойной ночи.

– Ах, весь в отца. Спокойной ночи.

Только сейчас он спохватился. Кошачья миска не тронута. Где же она пропадает второй день?

Аркадий рыщет по всей квартире. Принюхивается, улавливает некий тухлый запах из-под дивана. Обнаруживает слегка гнилой труп кошки.

– Лолита! – вырвалось из его уст.

Почти плача, он обнял ее словно младенца. Ее крошечная головка, висая на остатках кожи, отвалилась, покотившись по полу к стене.

– Что? Как? Почему шея была переломана? – задался он вопросом.

Не глядя на поздний вечер, Федорович сел в свой автомобиль, помчался в свою деревню в сорока километрах от города. Открыл гараж, достал лопату и коробку из-под обуви. Закопал Лолиту под деревом.

– Света! Светочка!

– Да, Аркадий Аркадьевич? Вы меня напугали, честное слово! Чего раскричались так?

– Помнишь вчерашнее письмо? Ты уже выкинула его или еще нет?

– Как же выкинула, вот же оно у Вас на столе лежит!

– А, точно.

– Хм, Свет, знаешь этот адрес?

– Грибоедова? В Минске? – удивилась секретарша.

– Можешь быть свободна.

– Хорошо, Аркадий Аркадьевич. Однако, дивное что-то творится.

Вопреки ее удивлению, улица, носившая такое название, в городе Минске наличествует. Федорович, все бросив, направился на расследование.

– Светлана Михайловна, я ухожу, не знаю, когда буду.

– Хорошо, но ведь Вам еще столько работ прочитывать!

– Обойдется, еще время на эту муть тратить! – шустро схватил пальто и направился к своему автомобилю.

Прибыл по необходимому адресу – жилой девятиэтажный дом, расположенный около государственного музыкального колледжа. Зашел в нужный дом, поднялся на шестой этаж. Постучал в дверь, никто не открыл. «Кто стучит – тому откроют» оказалось враками, – подумал Аркадий. Чуть было дернул ручку двери, а она возьми, да отвалилась.

– Что вы так все стучите? – вышел древний старик из соседней двери.

– Я к вашему соседу, не открывает. Может его дома просто нет?

– А как зовут вашего друга?

– Если бы я знал.

– Вы не знаете имя собственного друга?

– Да не друг он мне, не понимаю, с чего вы вдруг взяли, что ваш сосед мне друг?

– С какого лешего вы решили, что у этого жилья есть хозяин?

– А что, его нет?

– Тут давно никто не живет, лет пять точно, а может и все восемь. Последним здесь жил Леша Мамай с семьей, потом еще какой-то парень, но не долго.

– Какой еще Мамай?

– Да вы его не знаете.

– Так зачем вы называете его имя? А, ну ладно, – не дал он ответить старику.

Аркадий вышел из таинственного дома и направился в ларек за сигаретами, забыв, что бросил курить как два года, по настоянию любимой жены.

– И чего было спрашивать про соседа, если никто там давно не живет? Остается только пожать плечами.

Аркадий позвонил своему приятелю милиционеру. Тоже – тишина. Решился разузнать по имени адресата, но вовремя спохватился, – Аркадий Укупник? Н-да... как раньше не заметил, дурак старый... Дешево, однако хитро.

VII

– Вы по какому вопросу? – сонно, сквозь зевоту спросил хозяин квартиры.

– Авксентий Владимирович? – перед ним предстал неизвестный человек, ростом чуть выше среднего, шатен, немногим за тридцать, одетый в черный костюм.

– Он. Да, я это он. А, собственно, кто спрашивает?

– Дайте пройти, – вошел Аркадий Федорович, оттолкнув недоумевающего владельца квартиры, – я пытался до вас дозвониться, написать письмо, пробовал найти в социальных сетях, моей кошке открутили голову.

– Что все это значит? Вы заваливаетесь ко мне в квартиру, орете как сумасшедший какой-то безумный бред. Как это понимать? Кто вы, собственно, такой, я спрашиваю? Какая кошка?

– Я директор вашего издательства, т. е. того, где вы издаете книгу, – издательство «Бусел».

– Ого, сами лично ко мне зашли, – недоумевал Авксентий.

– Что? А, да нет, я не за этим.

– А зачем же тогда? Что это я... Не хотите ли чаю? Вы присаживайтесь, в ногах правды нет... ха-ха... а может кофе? Да, будете кофе? Вот захотелось выпить, я его, этого самого кофе, не пью... а вот с вами с радостью. Надо же! Из самой редакции! Вот что значит слава пришла, оценили, отец бы мной гордился... Ой, кофе-то нет... Откуда ж ему взяться, если ты его не пьешь, дурак ты... Тогда может все-таки чаю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.